

— В серию **Ulysse Nardin** Classico Manara входят часы с десятью сценами, объединенными историей любви девушки и русалки

— Циферблаты Мило Манара сочетаются с мануфактурным механизмом UN-320

ULYSSE NARDIN

MANARA

ULYSSE NARDIN

— Мастера **Ulysse Nardin** воспроизвели рисунки Манара в технике микроживописи

ULYSSE NARDIN

Я-то как раз вполне могу себе представить человека, который купит себе всю десятку, не испугавшись цен, но меня волнует русалка. И вот почему. В рисовальных классах МАрХИ среди дисциплин у нас была обнаженная натура. Женскую фигуру рисовать нас учили. Но ни разу к нам на Рождественку не заглянула русалка. Как Манара ее спроектировал, откуда он знает, где у нее спина переходит в хвост? И вообще, что ему графически интересно в двух женских фигурах?

«Интереснее всего у Нади светлые волосы и майка, которые движутся в воде. У Улисссы волосы другие, похожие на кораллы или водоросли. В остальном сирены, как и кентавры, давно известны художникам. Я даже не говорю о Диснее, посмотрите на татуировки. Уж там сирены даны во всех подробностях. Но они не всегда были такими приятными на вид. Сирены у Гомера были женщинами с крыльями, которые пели, чтобы погубить Улисса-Одиссея. Мы находим эти изображения на греческих вазах. А вот Магритт рисовал их с ногами женщины и головой рыбы. Тут едва ли получилась бы любовная история».

Я спрашиваю у Мило Манара, каковы его собственные отношения с часами. Он отвечает, что вечно опаздывает, но часы честно носит и среди них есть даже часы с эротическим сюжетом, которые подарила ему на юбилей жена. Но он оставил их в гостинице, а на руке у него — медный браслет, подарок Уго Пратта.

Что Манара делает сейчас? Закончил второй том своей истории «Караваджо» и хочет сделать книгу по «Америке» Кафки. «Она называлась, вы помните, „Пропавший без вести“ — это наша история. Мы пропали без вести, мы потеряли компас».

Ему уже рассказали, что лесбийские мотивы в России примут без одобрения и лучше бы он изобразил жаркую любовь простой девушки-русалки с комсомольцем, бравым моряком.

«Как вы относитесь к тому, что наступают времена нового ханжества? — спрашиваю я. — За что боролись на баррикадах 1968 года?»

«Что поделаешь, — отвечает Манара, — и вправду все становится болезненным. Конфронтация религий, подъем самых темных сил общества. Возможно, в этом проблема. Каждый раз идешь на компромисс. Почему-то уступать должны именно художники».

Весело рассказывать о сексе, не проваливаясь в глупости порнографии или пошлость анекдота, труднее, чем писать возвышенные трактаты. Мило Манара, сын рабочих, недоучившийся архитектор, один из тех, кто превратил комикс в полноценную литературу. На нем пробуют сейчас зубы радикальные феминистки, но едва ли это может испугать человека, рожденного в той пуританской морали, в которую нас пытаются вернуть. «Даже в Италии в дни моей молодости во всем, что касалось морали, общество было похоже на „Талибан“. Все вокруг было пропитано ханжеством», — говорит художник. Сейчас эти времена возвращаются. Значит, однажды вернется и сексуальная революция, и приход ее можно будет проследить по авторским часам.

Алексей Тарханов